

¹⁹ Откупщиков Ю.В. Балтийские и славянские названия овцы и барана // *Lietuviai kalbotugos klausimai*. XXX. 1993, 63–68 (= Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. Л., 2001, 211–212). Правда, с некоторыми толкованиями Ю.В. Откупщикова трудно согласиться.

Марта Белетич

ИЗ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ^{*} (блаза и блазна)

Словарь Сербской академии наук (=PCA) фиксирует (с перекрестными отсылками) два фонетически и семантически близких существительных: *блáза* ‘змея, которая, по народным верованиям, охраняет сокровища’ и *блáзна* ‘змея, которая живет в доме’.

1. Несмотря на их формально-семантическое сходство, только *блаза* привлекла внимание этимологов. Предложенные объяснения сводятся к двум основным гипотезам. Согласно первой, речь идет о праслав. диалектизме *bolzъ ‘змея’, реконструированном на основе с.-хорв. *блáза* и укр. *бóлоз* ‘большая змея’ (SP 1, 314;ср. и Sadnik-Aitzetmüller 1, 338)¹. Согласно второй, – о континуанте праслав. основы **blaz-* в **blaznъ(jь)* (ЭССЯ 2, 105–107)².

2. Прежде, чем мы приступим к комментированию предложенных решений, нужно рассмотреть широкий контекст, в рамках которого фигурируют *блаза* и *блазна*. Иначе говоря, перед нами весьма специфические “реалии”, – это, собственно говоря, мифологические образы, которые в (славянских) народных представлениях и верованиях занимают вполне определенное место³. Поэтому для правильной этимологизации их названий необходимо учесть не только лингвистические, но и экстралингвистические (этнографические, фольклорные и мифологические) факты.

Прежде всего надо подчеркнуть, что, несмотря на формальное совпадение основ двух названий, речь идет о двух разных понятиях, т.е. о двух различных ипостасях мифологического образа змеи: одна – ‘змея – хранитель сокровища’, а другая – ‘змея, живущая в доме’.

3. Так как, что уже было отмечено, в существующей литературе только сущ. *блаза* было подвергнуто научному рассмотрению, займемся сначала им.

* Работа выполнена по проекту 1591 “Этнологоческое изучение сербского языка и создание этимологического словаря сербского языка”, который финансируется Министерством науки и защиты окружающей среды Республики Сербия.

При существительном *блáза* ‘змея, которая, по народным верованиям, охраняет сокровище’, РСА приводит следующие примеры: Она им све по истини казала, а то не валья никому приповиједати кад ти се јави *блаза* (овако зову и у Брсечинама, код Дубровника, змију, што је на б л а г у [здесь и далее разрядка моя. – М.Б.])⁴ – Нама је вечерас (у очи Ивана дне)... поћи да иштемо *блазу*, те да видимо б л а г о⁵.

По народным представлениям, охрана сокровища – одна из функций змеи⁶. Согласно сербским и хорватским поверьям, зарытое сокровище охраняет нечистая сила или дьявол в облике змеи, змея (большая, белая, живущая в доме, крылатая, с короной на голове), змей, принцесса, превратившаяся в змею⁷.

3. 1. Рассмотренное в фольклорно-мифологическом плане, *блаза* включается в следующий лексико-семантический ряд: *благара*, *златарка*, *новчарица* (см. примеч. 6). Следовательно, *блаза* не нейтральное название определенного вида пресмыкающегося (Serpentes), а одна из номинаций мифологического образа змеи (которая охраняет сокровище). Отсюда его выведение из праслав. *bolzъ ‘змея’ (< ‘что-л., что надувается, распухает?’), но с семантической стороны это не было бы оправдано.

3. 2. Все авторы, которые приводят с.-хорв. *блаза* в связи с *bolzъ, указывают на взаимовлияние основ **bolz-* и **polz-* (SP, Sadnik-Aitzetmüller l.c.). В ЕСУМ (1, 226) укр. диал. *бóлоз* ‘гад, змея’ толкуется однозначно – как результат озвончения начального согласного у слова *пóлоз*, тогда как само *пóлоз* ‘полоз у санок; большая змея’⁸, диал. *полозјóк* ‘большая змея’ выводится из *polzъ (idem 4, 498). Этим здесь практически исключается родство с.-хорв. *блáза* и укр. *блóлоз* на праслав. уровне, из чего исходит SP.

Хотя вариантность *b- : p-* присутствует и в с.-хорв. языке, ср. *блáзина* = *плазина* ‘железная подушка, всаженная в деревянный брус, на чем вращается ось мельничного колеса’ (РСА), маловероятно, что форма *блаза* появилась в результате озвончения *плаза*, т.к. в с.-хорв. языке не зафиксированы названия змеи, образованные от праслав. **polzъ*⁹. Форма *плаза* ‘змея’ появляется только в фольклорном тексте, точнее – в магических формулах для изгнания змей, напр.: Куца, куца, Лазарица, бјеж од куће, п л а з а р и ц а; бјежи, *п л а з о*, од куће, јер је Лазо код куће!¹⁰ В этих формулах в основном используются табуированные наименования (*гујавица*, *поганица*, *гадарија*)¹¹, и поэтому, видимо, следует принять логичное объяснение, которое дается в RJA при форме *плáзалица* “змея (потому что ползает)”. Иначе говоря, здесь речь идет о примере – гапаксе из фольклорного текста: Кад се чује куквица први пут, онда валья подвикнути: више тица певалица него з м и ј а п л а з а л и - ц а! (Сербия), где второстепенное определение *плазалица* употреблено исключительно как симметричное к *певалица*.

3. 3. Народные названия змей могут быть мотивированы также и способом их передвижения, ср. напр. *повкууша* (потому что тащится (волочится) по земле), *поскок*, *поскочица* (отталкивается хвостом и скачет за человеком)¹², *баульина* (от *баульати*)¹³. В этом контексте за исходную точку формы *блáза* мог бы быть взят и глагол *блáзити* ‘ползти’. Лома объясняет эту форму как результат депрефиксации *облазити*¹⁴, исходя именно из того факта, что *лазити*¹⁵ – один из глаголов, которым описывается движение змеи, и иллюстрируя это синтагмой *эмија лаза*¹⁶. С формальной стороны, такое истолкование глагола *блазити* (и произведенного от него существительного *блаза*) вполне убедительно. Однако семантическая сторона представляет проблему, т.к. дело идет об индивидуальном подтверждении глагола *блáзити* в значении ‘ползать, ползти’¹⁷, которое могло появиться окказионально¹⁸. Что касается синтагмы *эмија лаза*, то она, как и *эмија плазалица*, – только фигура из фольклорного текста, ср. пример из народного предания, приведенного в статье *лáза* (в значении прилагательного при слове *эмија*) ‘которая лазает, ползает’: Очитај трипут оваку молитву од змије: З м и ј а л а з а ујела Милицу (PCA)¹⁹. В “обычном” языке сущ. *лаза* не засвидетельствовано в значении ‘змея’²⁰.

3. 4. Как уже было сказано, форма *блáза* приводится в связи и с праслав. *blaznъ ‘привидение, призрак, обман, заблуждение и т.д.’ (ЭССЯ 2, 105). Во всяком случае, это подтверждается и тем фактом, что данное существительное зафиксировано также в значении ‘привидение, призрак’: “Ал си човик али блаза...? Одговори: “Дух нијесам...”²¹. В литературе с.-хорв. свидетельство приводится как единственная параллель к рус. диал. *блаз* ‘привидение, призрак, нечистая сила’²².

Праслав. *blaznъ ‘привидение, иллюзия’, согласно одному из толкований (см. примеч. 1), возводится к и.-е. **bhlág-* ‘сиять, блестеть, блистать’, **bhel-* idem (ESJS 2, 66; SP 1, 254)²³. Как параллель к происшедшему семантическому развитию Аникин приводит нем. *scheinen* ‘сиять, блестеть, светить’, болг. *съюка* ‘призрак, привидение’²⁴. На основе этого мы могли бы предположить, что первоначальное значение нашего слова также ‘привидение, призрак, нечистая сила’, которое вторично конкретизировалось в ‘змея – сторож сокровища’. Это предположение подтверждает и тот факт, что в упомянутом рассказе В. Вулетича слово *блаза*, кроме рассмотренного, употреблена и в значении ‘привидение, призрак, нечистая сила’²⁵. Возможность такого семантического сдвига подтверждают и этнографические данные, которые говорят о том, что зарытое сокровище охраняет нечистая сила или дьявол в облике змеи (см. выше). В языковом же плане параллельный семантический сдвиг демонстрирует рус. диал. *благой* ‘дьявол, нечистая

сила, злой дух’²⁶ и ‘змея’: Ни хадите басиком, а то благой укусит, змий, у нас ани часта фстричающца (Псков. словарь 2, 27).

3. 5. Тем самым в наше исследование включаются и континуанты праслав. **bolg-*²⁷. Сразу нужно подчеркнуть, что праслав. основы **blaz-* и **bolg-*, согласно некоторым толкованиям, сводятся к одному и тому же и.-е. корню **bhel-* ‘сиять, блестеть’ (см. ESJS 2, 65)²⁸. Однако осознание их возможного родства утратилось, так что они могли стать объектом семантического притяжения и этимологической магии²⁹ – явление, с которым необходимо считаться, когда исследуется фольклорно-мифологическая лексика. Это мы проиллюстрируем одним примером, связанным с праздником Благовещенья: скажем, в Боснии распространено поверье, что накануне Благовещенья скрытые клады горят, и тогда можно увидеть, где они зарыты в земле³⁰.

Итак, исходя из принципа семантического притяжения созвучных слов, который лежит в основе народной этимологии³¹, мы могли бы предположить, что название *блáза* появилось, опираясь на *блáго* (лок. **bolzē > блазъ*³²) ‘большое количество золота, серебра и других драгоценностей, которое где-то спрятано, скрыто’: Сильно *благо* чува троглава аждаја с ћерданима дуката о грлу – [Змај] чува по неки пут закопано *благо* (PCA), ср. синонимичное название *благара*, непосредственно произведенное от *благо*. Однако, так как названием *благара* именуется и змея *кравосац* (см. примеч. 6), которая, по народным верованиям, сосет корову, оно могло бы быть образовано от сущ. *благо* в значении ‘скот’. Это значило бы, что именно двузначность слова *благо* могла содействовать возникновению поверья о змее-хранительнице сокровища (первоначально – скота и лишь позже – спрятанных денег).

4. Теперь рассмотрим лингвистические и внелингвистические факты релевантные для объяснения названия *блазна*, которое в приведенном значении до сих пор не было предметом научных исследований.

При сущ. *блáзна* ‘змея, живущая в доме’ PCA даёт довольно неинформативный пример: Ако ти се змија у кућу увуче не вальје убити... Оваку змију зову *блазна*³³.

Представление о змее, живущей в доме, существует почти во всех славянских традициях. Образ змеи как покровительницы дома был связан с культом предков, прежде всего – с древним обычаем захоронения умерших членов семьи под порогом дома или под очагом. Вера в то, что в этих же местах обитает и змея, живущая в доме, внушает мысль, что она некогда отождествлялась с (первым) предком семьи. Запрет на убийство змеи, живущей в доме, объясняется тем, что это вызовет смерть хозяина дома или кого-то из членов семьи³⁴.

4.1. В этнографической литературе приводятся следующие названия змеи, живущей в доме: *блаznа, чувар, чуварица, чуваркућа, домаћа змија, домаћа кача, хижна кача, крснара, крсташница³⁵, кућаница, кућаруша, кућевна змија, кућевник, кућна змија, кућница, кућњача, кутња змија, покућара, покућарица, покућарка, покућница, покућница, поткућница, сјеновита змија³⁶.*

В контексте всех упомянутых названий только *блаznа* не имеет очевидной мотивации. Хирц объясняет, что *блаznа* получила своё имя, потому что это единственный вид змеи, которую народ любит (*блазни*)³⁷. Джорджевич названия *блаза* и *блазна* считает неясными, но относительно второго он повторяет объяснение Хирца, что оно может быть образовано от глагола *блазнити* ‘миловать, ласкать, баловать, угождать’³⁸.

Так как *блазна*, в отличие от всех остальных, всё же ареально узко ограниченное название (подтверждённое только в окрестностях Мостара в Герцеговине), нужно рассматривать его прежде всего в контексте местных представлений и верований. Так “у Мостару кажу да кућну змију не треба убити, него је из куће отјерати кадовима или је ухватити у проџеп, те је далеко од куће однијети и пустити говорећи: *Блазно моја, блазно, ти ћеш мени и отолен кућу чувати*”³⁹.

4.2. Если бы было принято объяснение Хирца, название *блазна* прежде всего могло бы быть отнесено к эвфемизмам. Этнографические источники отмечают следующие эвфемизмы по отношению к змее: *бая, бајурина, непоменица, неспоменица, чемерница, дугачка, каменица, окаменица, поганица⁴⁰*. Так в Герцеговине говорят, что “не треба у кући нити на другом мјесту змију никад поменути именом змија, него вазда рећи *бая* или *бајурина*, па из те куће неће змија никогда ујести”. Там же “да не би змија уједала овце треба добро пазити да сењезино име не спомиње, него кад се о њој говори треба рећи: *она из траве*”⁴¹. Следовательно, название *блазна* в местном говоре не осознается как табуистическое наименование, чем, однако, не исключается его образование от глагола *блазнити* ‘миловать, ласкать, баловать, угождать’. В пользу этого говорит и тот факт, что именно в Герцеговине отмечена префиксальная форма этого глагола с немного измененным значением – *добралазнити* ‘сделать ручным, приручить’ (PCA), что внушает мысль, что *блазна* – действительно ‘прирученная, т.е. домашняя змея’, ср. выше *домаћа змија* как одно из названий змеи, живущей в доме.

4.3. Хотя название *блазна* употребляется в ритуальном тексте (*Блазно моја, блазно, ти ћеш и отолен кућу чувати*), который, в сущности, очень близок упомянутым магическим текстам для изгнания змей, мы не можем здесь оставить без внимания влияние этимологической магии. В качестве примера приведем еще одно верова-

нье, связанное с Благовещеньем: в Велесе в Македонии верят, что на Благовещенье змеи вылезают из земли и потому “за да бидат *блази* (*благе*) и да не апат, у секоја куќа им приват *благо* (слатко) и јадат”⁴². Вполне возможно, что и название змеи, живущей в доме, защитницы дома и семьи, формировалось под влиянием одного из позитивных значений праслав. **bolg-*: ‘тихий, кроткий’, ‘сладкий’ и т.д.

4. 4. Сущ. *блázna* засвидетельствовано в с.-хорв. языке ещё в трех значениях: ‘особа, которая льстит, подлизывается, заискивает’, ‘придурковатая особа’, ‘призрак, привидение’ (PCA)⁴³. Для нас особенно важно последнее значение, зафиксированное в следующем контексте: Запођедоше разговор о вјештицама, здухама, вампирима, *блазнама* и ћаволима (Невесиньски, PCA)⁴⁴, которое, как и в случае с *блаза*, могло бы считаться первичным. Сущ. *блázna* ‘призрак, привидение’ имеет параллель в рус. диал. *блазна* ‘привидение’ (СРНГ)⁴⁵.

5. Эта работа написана с целью рассмотреть существующие объяснения сущ. *блáза* ‘змея, которая охраняет сокровище’ и включить в дискуссию сущ. *блázna* ‘змея, живущая в доме’, т.к. только параллельный анализ этих двух, почти идентичных, форм может помочь установлению их изначального происхождения.

Изложенный материал показал, что связь между *блаза* и *блазна* осуществляется в двух планах: фольклорно-мифологическим (формы относятся к разным ипостасям мифологического образа змеи, причем дело доходит до совпадения их функций)⁴⁶ и семантическим (наряду с близкими вторичными они имеют и общее первоначальное значение – ‘привидение, призрак, нечистая сила’).

Формально-семантическое сходство проанализированных форм имплицирует их связь и в этомологическом плане, причем именно семантический критерий определил одну из предложенных этимологий. Значение ‘привидение, призрак’ поставило *блазу* и *блазну* в число континуантов корня **blaz-*, которые несомненно претерпели семантическое влияние континуантов корня **bolg-*. Не оставляя без внимания значение этимологической магии (явления, часто присутствующего у такого рода лексики), мы, однако, должны предположить, что семантической контаминации предшествовало сближение форм. Прежде всего вокализм **blaz-* и **bolg-* стал одинаковым в результате южнославянской “ликвидной” метатезы, а затем и оппозиция -z : -g (-ž)нейтрализовалась под влиянием *блаз* и дублета типа *блázити се* : *блáжити се* ‘наслаждаться’, ср. и *блázинा* : *блáгичка* (*блажичка*) ‘сорт сладких яблок’ (PCA).

Вmorphологическом плане эти формы различаются только одним согласным. И пока форма *блазна* (правда, не в нашем значении) в обоих праславянских словарях толкуется как субстантивированное прилагательное *blaznъ, образованное с помощью суфф. -nъ от корня **blaz-* (ЭССЯ 2, 106; SP 1, 255), форма *блаза* не имеет

единого с *блазна* объяснения. Krakовский словарь, как уже было сказано, возводит её к праслав. *bolzъ (SP 1, 314)⁴⁷, а московский – помещает в статью **blaznъ(jь)*, не объясняя при этом, почему дело дошло до утраты суффиксального *-n-*. В с.-хорв. языке это могло бы быть объяснено влиянием глагола *блáziti* ‘льстить’, *блáзити се* ‘подлизываться’, ‘лебезить, ласкаться, льстить’ (RJA)⁴⁸, но проблема остается на праслав. уровне, где глагол *blazniti tolкуется как дениниатив от *blaznъ (ЭССЯ 2, 104; SP 1, 253). Krakовский словарь, правда, упоминает, что некоторые з н а ч е н и я, напр. рус. диал. *блázить* ‘чудиться, мерещиться, грезиться, привидеться’ (собственно говоря, речь идет о ф о р м е) могли бы указывать на первоначальную глагольную основу, но эта проблема требует отдельного исследования.

У нас также было намерение указать на проблему трактовки такого рода лексики при этимологическом анализе⁴⁹. А именно – становится очевидным, что для её успешного объяснения необходимо рассмотрение целостного, как лингвистического, так и экстралингвистического контекста, а что касается методики, то нужно не только применение критерия “научной” этимологии, но и серьезный учёт принципа “народной” этимологии.

Примечания

- ¹ Для праслав. *bolzъ предполагается и.-е. корень **bhelgh-* ‘надуваться, раздуваться, распухать, разрастаться’ (SP, Sadnik-Aitzetmüller I.cc.).
- ² Праслав. *blaznъ не имеет одной принятой этимологии. До настоящего времени предложены три возможных решения: 1) < и.-е. **blág-* ‘сиять, блестать’ < и.-е. **bhel-*; 2) < и.-е. **bhlág-* ‘бить, ударять’; 3) < и.-е. **bhla-* ‘дуть’ (ср. ESJS 2, 66 s.v.).
- ³ О символике змеи в славянской народной традиции подробно см. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997, 277–358. Далее – Гура.
- ⁴ Это отрывок (см. Чайкановић // СЕЗБ 50, 1934, 190) из большого рассказа о встрече пастушки со змеей: “Ту изиђе из гомиле змија и претвори се у дјевојку, која је засјала сва у злату”. Змеј послала пастушку домој, чтобы принести ей немного шелку, а та, рассказав домочадцам, что с ней приключилось, онемела.
- ⁵ Пример из рассказа Вулетича И., напечатанного в газете “Словинац” (Дубровник, 1880, 4). Автор описывает, как два юноши накануне Иванова дня идут на поиски змеи, неся ей в жертву черного кота, чтобы она открыла им за это, где зарыто сокровище: “Блаза се укаже као велика зелена троглава змија, те се поче пети уз Ника из неко тешко звијданье... Блаза узме мачку, те је одмах омота и угushi, па рече Нику: “Ослободио си ме, ево идем у мјесто одређено!”. Кад то рече, звизне, и часком ишчезне испод стрибе... Оно подтрине засја свјетлошћу, а у то дође Баро те се зачуди кад види два закlopљена лонца”.
- ⁶ “Змије чувају сакривено благо. И у нас су змије по старим рушевинама чуварке закопаног блага. Народ их назива *благарама, златаркама, новчарицама*.

У Врховинама у Лици новчарица змија увијек лежи на свом месту и чува новце. У ње је круна на глави, љута је и уједа свакога који јој се приближи. Око Бјеловара и Дарувара на месту где у земљи има блага, лежи змија кравосац. Зато је зову кравосац. Зато је зову *благара*” (Борђевић Т.Р. Природа у веровању и предању нашег народа II. // СЕЗБ LXXII, 1958, 100–186). Далее – *Борђевић*.

⁷ Гура, 324–326.

⁸ Некоторые авторы предполагают семантический сдвиг ‘лыжа (полоз) у санок’ > ‘пресмыкающееся’ > ‘змея’ (исходя из основного значения ‘согнут, свернут, искривлен’), тогда как Аникин считает, что значение *polzъ ‘вид змеи’ непосредственно произведено от ‘объект, который при движении пристает (прилипает) поверхностью тела к опоре’, без посредства семантического звена ‘лыжа (полоз) у санок’ (А.Е. Аникин. О праслав. *pelz-/*polz-/*pъlz- // Этимология 1980. М. 1982, 43, примеч. 13).

⁹ Ни один из словарей не приводит такого свидетельства, хотя в материале РСА есть примеры со сходной семантикой: *плазавац* ‘пресмыкающееся’, *плазавци* ‘пресмыкающиеся’, и это не только как зоологический термин, но и как народное название (напр., из Славонии). Ср. ещё и чеш. *plaz*, польск. *płoz*, *plaz* ‘пресмыкающееся’, рус. *полоз*, блр. *полаз* ‘змея’ (Корећпý 280 с.v. *polzъ*).¹⁰

¹⁰ Сикимић Б. Свеци црева мотају // Лицеум 5. Крагујевац, 2201, 39–87. Далее – *Сикимић*.

В Боснии (откуда этот пример) магические тексты для изгнания змей связываются со святым Лазарем, а календарно – с Лазаревой субботой, ср. и следующее свидетельство: Бјежите гује п л а з а р и ц е, ето свете Лазарице (Кнежина); Бјежи змија п л а з а р а / ето светог Лазара / и он носи тавину / осјеће ти главину (Босанско Грахово); Бјежи змија п л а з а р и ц а, убиће те лазарица, ево вуче тавину, одбиће ти главину (Ливаньско поле) (*ibid.*).

¹¹ Ср. магические тексты: “беж? г у ј а в и ц е, ево иде лазаревица” (Банатская Черногория); Куцни, куцни, лазарице, / беж? од куће п о г а н и ц е, / ето иду стопанице, / убиће те обрамице (Тешань); Беж’те, беж’те г а д а р и ј а, / ево иде лазарија (Срем) (*Сикимић* 50).

¹² Борђевић 102.

¹³ “Венац” књ. XIV, св. 7. Београд, 1929, 530.

¹⁴ Ср. *облáziti* ‘перейти, ползая, переползти через кого-л., что-л., оставляя след (о насекомых, обычно о гусеницах); прикрыть, ползая (о личинках)’, *ձեզազ*² зool. ‘название личинок вредителей растений, гусеница’ Княжевацкий край (PCA).

¹⁵ Ср. *լազիտи* (*լազիտи*) ‘двигаться по некой основе, волочась, не поднимая тело, ползая (о пресмыкающихся, насекомых и др.): Кад змија иде на дрво она *լազի*, као што чини дрволаз (PCA).

¹⁶ Лома А. Перинтеграција *об-* > *б-* као етимолошки проблем // ЈФ LVI / 1–2. Београд, 2000, 606. Однако автор делает оговорку, что, вероятно, речь может идти и о варианте с озвонченным анлаутом от **polziti*.

¹⁷ Пример из стихотворения Симы Пандуровича: Над срцем мојим један облак *блáзи* / Зиме и ветра, – наговештај души / Да срећна доба нестали су трази (PCA).

¹⁸ Кроме приведенного значения, глагол *блáзити* засвидетельствован и в значении ‘льстить, подхалимничать’ (RJA), где производится от *блазнити*, и в этой статье цитируется пословица: *Близи змију у скуту*. Показательно, что РСА не приводит это подтверждение (что могло бы означать, что оно ненадежно).

- В других местах эта пословица даётся с глаголом *блазнити*: *Блазни змију у скуту*.
- ¹⁹ Ср. и следующее описание: “У Власеници да гује не улазе у кућу узимље домаћица или домаћин, на Лазарев дан, рано, прије сунца, машу и пеку, па три пута обиђе око куће ударајући машама о пеку говорећи: Л а з и т е, гује, из куће у поље и горе! (*Борђевић* 144). Здесь употреблен глагол *лазити*, чтобы, но только как figura etymologica, установилась связь со святым Лазарем (*Сикимић* 49).
- ²⁰ Ср. однако ст.-чеш. *lazik* ‘пресмыкающееся’ (ЭССЯ 14, 63 с.в. *lazikъ).
- ²¹ *Matić T.* // Rad JAZU 315, 32. Хотя это свидетельство не упоминается ни в RJA, ни в PCA, оно приводится в ЭССЯ I.c. s.v. **blaznъ(jъ)* в значении ‘чудовище, monstrum’. Широкий контекст его употребления, впрочем, говорил бы скорее в пользу вышеупомянутого значения.
- ²² Чумакова Ю.П. // Этимология 1984, 222. Ср. и *блазъ* ‘привидение, нечистая сила’ (Вологодский словарь).
- ²³ Аникин А.Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998, 43. Далее – Аникин 1998.
- ²⁴ В контексте рассмотренных фактов интересно сведение о том, что в сербско-болгарской пограничной зоне, Юго-Западной Болгарии и Южной Македонии сущ. *сенка* имеет и значение ‘демон здания, постройки’. Этот ‘демон – покровитель места’ появился в связи с верованием в существование тени (человека или животного), замурованной в основании (фундаменте) или стенах здания, близок по своим функциям мифологическому образу ‘демона – защитника дома’ (т.е. ‘змее – хранительнице дома’) (подробнее *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004, 232–239).
- ²⁵ ‘Гаспару Пало, а вјерујете ли ви у неманштине?’ – ‘Не, госпо, ја не вјерујем у духове...’. Тако је довршивао госпар Пало с госпођом Лукром одуљи говор о *блазама*, морама и осуђењацима (“Словинац”. Дубровник, 1880, 3).
- ²⁶ Ср. из того же источника и *благое място* ‘место пребывания злой (нечистой) силы’: Благое место, черти живут.
- ²⁷ Здесь мы не будем подробно заниматься соотношением праслав. *holgъ ‘добрый, хороший’ (> ‘счастливый, нежный, милостивый’, диал. южн. ‘мягкий, кроткий, милый, приятный’) и *holgъ ‘плохой, злой’. Об этом идет широкая, хотя и не завершенная, дискуссия, ср. Фасмер I, 171; SP I, 307; Толстой Н.И. *Блаже – Макарий* // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995, 351; Аникин 1998, 55–56 и т.д. Негативная семантика (в основном восточнославянских свидетельств) объясняется влиянием южнославянских лексем типа болг. *благ* ‘сладкий’, ‘жирный (о еде)’, откуда значение ‘скоромный, запрещенный’ > ‘нечистый, проклятый’ и т.д. (см. Аникин 1998, 55–56). И действительно в контексте этическорелигиозных представлений *мрсно* осознается как ‘нерегулярно’, ‘нечисто’, ‘телесно’, ср. болг. *mrъsen* ‘испачканный, грязный, нечистый’, затем хрононимы, которые означают ‘нечистое’ время: *мрснице* ‘время между рождеством и началом великого поста, когда, согласно церковным правилам, разрешено есть скоромную пищу; мясоед’, болг. *mrъсните дни*, *mrъсници* (БЕР), как и названия демонов активных в этот период: с.-хорв. *mrсnичина* ‘сверхъестественное злое существо, которое, по народным верованиям, ночью нападает на людей’ (*Якушкина Е.И.* Диалектные названия скоромной и постной пищи и их вторичные значения // Русская диалектная этимология / Материалы IV Международной научной конференции, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002, 133–134). Обязательно ср. и змија *мрсница* ‘та, которая ужалила человека

или животное': На дан Светоч Лазара змије се "разлазују" (разилазе), а по-влаче се на Крстов дан. Остају само змије "мрснице" тј змије које су човека или ма коју другу животињу ујеле (Тимокский край, РСА).

²⁸ Так же Аникин 1998, 43, 55.

²⁹ Толстой Н.И., Толстая С.М. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание (Х международный съезд славистов). М., 1988, 250–264. Далее – Толстой, Толстая.

³⁰ Толстой, Толстая, 256.

³¹ Там же.

³² Старый локатив сохранился в восклицаниях *бләзе, бләзи* (Skok I, 167; ЭССЯ 2, 183 s.v. *bolzē).

³³ Полную информацию даёт нам следующая цитата: "Змија покућарка, то јест она, која се често виђа у кући, у народу се зове *блазна*. Оваку змију не треба убити, него је из куће отјерати кадовима, или је ухватити у процијеп, те је далеко од куће однијети и пустити. Ако се овака змија убије, вјерују да ће онај, који је убије или домаћин куће умријети" (*Грђић-Бјелокосић Л. Животиње и биљке у народном предању // Каракић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање II. Алексинац, 1900, 214.*

³⁴ См. Гура 307–319.

³⁵ Названия *крснара* и *крсташница* мотивированы поверьем, что змея, живущая в доме, имеет крест на лбу (Дони Матеевац вблизи Ниша, Кула в Лике) (*Hirtz M. Zmije kućarice // Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena XXVII/2. Zagreb, 1930, 244* (далее – *Hirtz*), это принял затем *Борђевић 123*.

³⁶ *Hirtz 243*, далее за ним *Борђевић 121*. В некоторых местах змею, живущую в доме, не убивают, потому что верят, что она "сеновита" ("тенистая"), т.е. имеет в себе такую силу, что тот, кто убьет её, вскоре умрет или останется навек несчастным, т.к. её тень ему отомстит (*Hirtz 246*, далее за ним *Борђевић 127*).

³⁷ *Hirtz 245*. Хирц I.c. еще добавляет, что пословица у Даничича *блазни змију у свом скуту* несомненно относится к змее, живущей в доме. Нам же кажется, что здесь скорее речь идет о пословице, синонимичной данной: *храни* (држи, греје) *гују у недрима, носи* (*храни, гаји, гоји, чува, греје, негује*) змију *у недрима (скуту)*. Но зато другая пословица у Даничича, которую упоминает Хирц, *домаћа се змија не убија* безусловно относится к змее, живущей в доме.

³⁸ *Борђевић 105*.

³⁹ Указ. соч. 125.

⁴⁰ Указ. соч. 104. В альтернации с *плазарица* в фольклорном тексте см. выше.

⁴¹ Указ. соч. 140.

⁴² Толстой, Толстая 256.

⁴³ Интересно, что SP приводит все три значения s.v. *blaznъ, опуская лишь значение 'змея, живущая в доме'.

⁴⁴ Слово употреблено в контексте, сходном с тем, в котором употреблено *блазна* (см. примеч. 25). Ср. и другой пример того же автора: "А, прије него муња састави, наједном оне чудне *блазне* нестане – него бућне и пороне у таласе језерске у дубине дубоке".

⁴⁵ Ср. и *блáзна* 'привидение': Блазна така кажется, мужики каки-то белы, лешаки, *блáзно* idem.: *Блазно* в темноте, покажется, страшно; *блáзня* 'состояние, когда что-то кажется, мерещится, видится', *блáзнююшко* 'мифическое существо, которое пугает людей': Детей *блазнююшком* пугали: гли-ко, *блазнююшко* идёт, а кто такой – не знали, никто его не видел – Этта у болоте чёрт, а у дома усе *блазнююшком* пугали – *Блазнююшко* побежит, побежит, белой весь,

- борода белая (Сл. русского Севера); *блáзна* (*блазнá*), *блазнá* ‘привидение, призрак, нечистая сила’ (Арханг. словарь).
- ⁴⁶ Иначе говоря, иногда белая змея, живущая в доме, выполняет функцию охраны зарытого сокровища: “У Црниљеву у Србији вјерују да су бијеле кућарице чувари новца. Леже на ономе мјесту где је новац закопан или сакривен. И кому буду паре придијељене змија бјелица изиђе и каже где су” (*Ђорђевић* 130). В Брунве, в Крабаве “тврде да бијелу змију има свака кућа и где је она тамо је добро б л а г о” (Указ. соч. 123).
- ⁴⁷ В этом случае морфологическая форма вполне ясна.
- ⁴⁸ Авторы RJA производят этот глагол от *блазнити* (в результате утраты *-n-*).
- ⁴⁹ Ср. наш очерк о ю.-слав. (*x)ala* ‘чудовище, страшилище; привидение, злой дух; змей; буря, гроза, ураган, непогода, ненастье’ (*Бјелетић M.* Духовна култура Словена у светлу етимологије: јсл. (*x)ala* // *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Kraków, 2002, 75–82).

Перевела с сербохорватского И.П. Петлева

Ж.Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. XVI

(*rysniqtī, *kręžiti/*kręžati, *obrěxъ, *skočiti/*ščekati)*

*rysniqtī

Чеш. диал. *rozrejsnit* (*jídlo*) ‘неохотно попробовать пищу и отставить’¹ Machek объединил генетически с зафиксированным там же (вост.-чеш.) синонимом *rozkorejniti*² и с *korehnit se* переносн. ‘подковыривать кого-л. высказываниями’³ и, вслед за Юнгманном, отнес все эти глаголы к числу экспрессивных производных (на *-hniti*, *-sniti*) от *ryti* (Machek² 277: *korej(h)niti* (*se*). Версия родства с *ryti может быть подкреплена как будто русским диал. костр. *распорыснуть* ‘разрезать, разорвать’: ... рубаху-ту *распорыснула*; брюшенько-то *распорыснули* (СРНГ 34, 184). Чешско-русское формальное и семантическое соответствие (при учете вторичного экспрессивного вставленного *-no-* в русском слове) дает основания для предположения о праславянской древности префиксальной основы *orzrysniqtī, производной от *rysniqtī, прямым продолжением которого являются, очевид-

* Предшествующие статьи этой серии см. в томах данного сборника: Этимология. 1971 – Этимология. 1978. М., 1973–1980; Этимология. 1980 – Этимология. 1983. М., 1982–1985; Этимология. 1985. М., 1988; Этимология. 1986–1987. М., 1989; Этимология. 2000–2002. М., 2003.